

Территориальность и экстерриториальность как альтернативы российской политики и культуры

Д.Г. Горин

Орловская региональная академия государственной службы

Переосмысление альтернатив регионального развития в современных условиях требует обращения к анализу территориальных и экстерриториальных механизмов регуляции социально-экономических и политических процессов. Репрезентация «места» как локуса социальных взаимодействий находилась в российской культуре под влиянием двух противоположных тенденций. Первая состояла в конструировании социальных структур путем передачи и сохранения социального опыта без необходимости его локального закрепления, а вторая – в стабилизации связей между социальными субъектами и местом их локализации. Институционализация российской власти часто основывалась на жесткой обусловленности ее самодостаточным характером различных вариантов блокирования географических перемещений населения и других форм социальной мобильности. Анализ динамики пространственных структур взаимодействия власти и общества (сопоставление параметров социальной мобильности с параметрами поддержания разнообразия и унификации социального и культурного хронотопа) позволяет выявить один из парадоксов российской управленческой модели. «Закрепление» населения в его локальных мирах приходилось, как правило, на периоды унификации миров. Ослабление «закрепления» было связано, как правило, с периодическими «оттепелями». Этот парадокс российской политики оборачивается весьма интересным следствием – феноменом «поверхностной укорененности» – укорененности в локальных традициях, искаженных влиянием навязываемых властью поверхностных структур идентичности.

«Поверхностность укорененности», ставшая следствием устойчивых антимодернистских тенденций во взаимодействии социально-властных структур с географическим пространством, находит новое проявление в ситуации «стихийного» постмодерна. В новых условиях социальная ткань общества удерживается не столько вертикальными иерархическими структурами, стремящимися к территориальной определенности и укорененности, сколько поверхностными сетевыми структурами, имеющими экстерриториальную природу. Властное влияние также имеет сегодня тенденции к экстерриториализации, однако его публичное политическое выражение апеллирует к территориальным стереотипам. В культуре России, не имевшей устойчивого опыта модерна, территориальные детерминанты часто обретают защитную антимодернистскую форму, а постмодернистские экстерриториальные тенденции отрываются от закрытых локальных идентичностей. В результате процессов, официально именуемых «укреплением вертикали власти», политика оказалась неспособной адекватно выразить не только экстерриториальные тенденции, но и локальные интересы territori-

альных общностей. Таким образом, российская культура в очередной раз столкнулась с традиционной проблемой: неэффективностью вертикальных структур регуляции и разорванностью горизонтальных связей, сконцентрированных в замкнутых локальных мирах. Эти тенденции соотносятся с особенностями концентрации капитала. Если в современной России финансовые ресурсы концентрируются в одном месте, а производственный цикл, в который они инвестируются, находится в другом, то это означает, что территориальные и экстерриториальные интересы весьма сложным образом переплетаются в самом основании общества.

С одной стороны, усиление территориальных детерминант жизненных миров в современной России обусловлено сырьевым характером экономики, автаркизацией локальных экономических практик (особенно в депрессивных регионах), возвратом к доиндустриальным формам поведения, а также исчерпанностью потенциала сельско-городских миграций. С другой стороны, спекулятивный характер финансового капитала, интеграция отдельных отраслей в деятельность транснациональных корпораций, наблюдающийся рост пассажиропотока и активизация трудовой и образовательной миграции на фоне развития крупных региональных центров и упадка периферийных районов способствуют эволюции стратегий социального поведения в плане его экстерриториальности.

Совмещение разнонаправленных процессов создает новую хронологическую ситуацию, характеризующуюся множественностью пространственно-временных измерений и их пульсирующим характером. Экстерриториальные функции организуются в сетевые структуры, а территориальные проявления социальности разобщаются, разобщаются и локальные жизненные миры, каждый из которых сохраняет собственную временную ритмику. Перестройка пространственных параметров социальности сопровождается пульсацией временных ритмов, совмещающих как минимум три вида темпоральности. Темпоральность экстерриториальных глобальных процессов переживается в контексте разнообразных территориальных ритмов. В результате взаимодействия двух темпоральностей возникает новая (третья) временная ритмика, отражающая перевод экстерриториальной глобальной темпоральности в локальную и наоборот. Изменения в соотношении территориальных и экстерриториальных стратегий может открыть как новые пространства свободы, так и новые пространства контроля. С одной стороны, новая ситуация освобождает творческие силы человека от диктата иерархических структур; с другой, возникают принципиально иные механизмы контроля, проникающие в суть социальных отношений. Выбор между творчеством и конформизмом, активизмом и апатией будет зависеть от успехов в создании механизма публичного согласования интересов социальных групп, учитывающего пульсирующий характер территориальной и экстерриториальной ритмики и позволяющего встраивать локальное знание в процесс принятия социально значимых решений.